

55
JAHRE

1966-2021

DAZ

ОБЩАЯ НЕМЕЦКАЯ ГАЗЕТА

Deutsche
Allgemeine
Zeitung

Bundesministerium
des Innern, für Bau
und Heimat

12+

WWW.DAZ.ASIA

26. AUGUST BIS 1. SEPTEMBER 2021

55. JAHRGANG / NR. 34 / 9087

**80. Jahrestag
des großen Leids**

80 лет спустя

Репрессии и реабилитация советских немцев, архивы и книги, память и цифровые технологии, общенациональная акция памяти 28 августа. Разговор об этом с политическим и государственным деятелем, депутатом Мажилиса Парламента РК, доктором экономических наук, председателем Попечительского совета Общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение» Альбертом Рау.

— Альберт Павлович, в июне мы скорбно молчали перед памятью поколений, и те же «круглые» 80 лет отделяют нас от августовского Указа о депортации этнических немцев на окраины Союза. Это одна трагедия или две разных?

— Всего два месяца отделяют начало Великой Отечественной войны от Указа Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. о переселении немцев, проживающих в районе Поволжья, и ликвидации немецкой Автономии. Немцы в то время жили не только в Поволжье. В том числе, из-за депортаций после начала Первой Мировой войны, во второй половине тридцатых годов. Но Поволжье устояло тогда, к сороковым на этих землях жила примерно третья часть немецкого этноса. Автономия оставалась центром притяжения, культурно-просветительским ядром. Образование в традиционном немецком духе можно было получить именно в Автономной Республике немцев Поволжья. На Кавказе, Украине, в Крыму были колонии, а здесь – республика. Поэтому и Указ в первую очередь выкосил Поволжье – тотально, под корень, с ликвидацией Автономии. Немцы, как и весь народ в СССР, были ошарашены началом войны, а вслед получили и этот колоссальный удар. Это была чисто немецкая трагедия, хотя и другие народы тоже прошли через аналогичные же страдания. Но вы понимаете: война шла с немцами, и наши предки – немцы...

— Логично спросить: что было бы с советскими немцами, если бы все они остались на своих землях?

— Ответ отчасти дает история немцев, которые попали под оккупацию на Украине. Это произошло стремительно, власти не успели многих переселить. Командование Вермахта, конечно, не оставило местных немцев без внимания, их опять подвергли переселению – только теперь уже в Германию или на завоеванные земли. Что было потом? Потом пришли советские войска, которые взялись за «своих» немцев. Их переселили в те же дальние районы СССР, на те же лесоповалы. Позволю себе высказать простую истину: у государства были основания отселить немцев

подальше от фронтовой полосы или от «водораздела», на котором решался исход войны, а значит, и судьба страны. Напомню, что и американцы в 41-м отселили японцев со своих западных побережий, там это называлось интернированием. США были в состоянии войны с Японией, и 120 тысяч человек японской национальности, из которых более 60 процентов имели американское гражданство, оказались в концентрационных лагерях. Суд признал этот закон конституционным, но после окончания Второй Мировой войны его отменили. И лишь в конце восьмидесятых Рональд Рейган извинился перед японцами за принесенные лишения и материальные потери, и какие-то компенсации им выплатили. С годами все острее воспринимаю рассказ мамы: 9 мая 45-го, они в трудармии радуются Победе и тому, что их отпускают. А комендант лагеря им: а вы чему радуетесь? Вы здесь навечно!

В СССР депортация затянулась на долгие годы, только в 56-м разрешили передвижение, но не на свои земли. Уже были отправлены в Германию немцы-военнопленные, и так называемые «бандеровцы» вышли из лагерей, а немецкие спецпереселенцы все еще не имели возможности свободно передвигаться. Знаете, кто помог разубить этот гордиев узел? Первый послевоенный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. Он изначально не признал власть нацистов в Германии, поэтому мог открыто смотреть миру в глаза. Точных сведений о том, как происходили эти процессы, в Интернете не найти. Аденауэр прежде всего вел переговоры о возвращении в Германию военнопленных, это был ключевой момент установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Может быть, не вполне официально, но разговор шел и о советских немцах, судьба которых не так уж сильно отличалась от судьбы военнопленных.

— В 2012 году Совет ветеранов Костанайской области готовил книгу о героях тыла, нам приходилось работать с архивами облисполкома

военных лет. Вопрос спецпереселенцев стоял на повестке довольно часто, нельзя сказать, что их привезли и забыли. В регионах их должны были принять, обеспечить жильем, выдать зерно, скот...

— У меня был доступ, я видел документы, изданные Совнаркомом и Президиумом Верховного Совета 26 августа 1941 года, то есть, за два дня до Указа о депортации. Оговаривались до мелочей условия переселения немцев, на бумаге они были вполне щадящими. Допускалось, что семья может взять с собой до тонны вещей, продуктов. А на местах предполагалась выдача денег, скота, зерна. Можно, конечно, говорить, что все было пропитано ложью. Но объективно все эти планы разбились о войну и бедность тыловых регионов. Ситуация на фронте каждый день стремительно ухудшалась, она требовала от тыла все новых ресурсов. Жилье для спецпереселенцев строить было некому, материалов не было. И только великодушные местных жителей, традиции гостеприимства помогли немцам выжить в самые суровые военные зимы.

Недавно в Костане открыли мемориал Кенжегали Абеневичу Сагадиеву, его уже нет с нами. Мне запомнились его слова о том, как однажды ребенком 4-5 лет (семья Сагадиевых жила тогда в Семиозерном, ныне Аулиекольском районе) он увидел в окне, как немецкие спецпереселенцы скоблят мерзлую тушу павшего коня, чтобы потом приготовить что-то съедобное. Эту страшную картину Сагадиев пронес в своей памяти через всю жизнь.

— Много таких историй рассказано и описано, но чаще всего в них либо точно обозначают виноватых – бригадир, управляющий, председатель колхоза или какой-нибудь уполномоченный, либо Советскую власть в целом. Честно говоря, не приходилось слышать, чтобы кто-то сказал, что виновата Германия, потому что она генерировала в сороковые эту переселенческую катастрофу...

— Люди рассказывают о том или о тех, с чем и с кем сталкивались лично, это же не понаслышке сказано, не с потолка взято: от кого-то они получали помощь, а кто-то, наоборот, удваивал и утраивал их страдания. Я понял Ваш вопрос: чувствует ли Германия вину перед немцами, которых изгнали с родных земель, потому что началась война? На этот счет могу сказать одно: с чувством вины в Германии все в порядке. Сегодня трудармейцев осталось совсем немного, но в предшествующие годы им было оказано много материальной и медицинской помощи. Это общеизвестно и до сих пор в порядке вещей. Но я не считаю правильным все время чего-то ждать от Германии. Даже мое поколение, слегка зацепившее бедность и лишения, вряд ли правомочно рассчитывать на какие-либо компенсации. Но в любом случае немцев в бывших республиках СССР не оставляют без внимания. Молодежь имеет возможность приобщиться к немецкому образованию, учить язык за счет ФРГ, а в особых обстоятельствах получать помощь и по медицинской линии. Да и говорить особо не о чем: очень многие из потомков спецпереселенцев, трудармейцев сейчас живут в Германии, получили гражданство этой страны, имеют возможность вести жизнь на том уровне, на который сами способны. У нацистов в Германии нет правопреемников, это надо понимать. Но нация взяла на себя ответственность и помогает уже нескольким поколениям пострадавших от войны с Вермахтом.

— Почему немцам не позволили вернуться на родные земли в Союзе? Начало массового их исхода по времени совпало с развалом СССР и, без преувеличения, «добило» экономическую и социальную сферу, демографию и особенно деревню и сельское хозяйство.

— Это стало отражением трагедии сороковых, ее печальным эхом. Иногда сам думаю: предвидел ли кто-нибудь такой «эффект» от депортации? Да, была война, счет шел на дни, опасность возникновения «пятой колонны» на стратегических направлениях существовала реально – все это можно понять. >>

>> Я рассуждаю не как обыватель, а как государственный деятель и политик. Чтобы защитить государство, все меры хороши, если они актуальны и необходимы. Но что получилось? Автономию ликвидировали, юридически все прошло как надо. А фактически в местах, откуда изгнали немцев, осталось их жильё, целые деревни, колхозы, артели, техника, скот. Это добро, богатство не уничтожили, оно перешло к другим хозяевам. Вот здесь и столкнулись интересы. Людей, которых эвакуировали из западных регионов, надо было где-то устроить. Их имущество война разрушила, вот они и вселялись в немецкие дома. Я схематично объясняю, без деталей.

В 50-х, когда отменили спецкомендатуры, теоретически вернуться можно было, но там, на местах, люди подняли шум, что «немцев нам не надо». А на самом деле мотивы были сугубо материальными. Тоже острейшая ситуация, но вопрос «кому угодить?» государство решило не в пользу немцев. В этом году я был две недели в Ессентуках. Оттуда ехать до Нальчика, столицы Кабардино-Балкарии, где-то час. Моя мама сама из-под Краснодара. Но там их раскулачили, все забрали. Дед погиб на поселении в тайге на севере. Мамин старший брат-врач купил для нее домик в поселке под Нальчиком. Бабушка с двумя дочерьми, одна из них моя мама, с тремя внуками там жила. Оттуда их депортировали под Семипалатинск. Только в маминой памяти всегда жил и посёлок Прохладный, и родной дом. Очень хотелось увидеть это место хотя бы через 80 лет. Поехали со старшим братом, но получилась нестыковка. У нас сохранилась справка, что дом сдали по такому-то адресу. И то, что я не смог найти дом своей бабушки в Кабардино-Балкарии, можно увязать с тем, что было сделано все возможное, чтобы, даже вернувшись, люди не нашли свой адрес. Так у нас и получилось: справка есть, но указанного адреса уже не найти. Но я не останавливаюсь, продолжаю поиски. Конечно, мы ни на что не претендуем. Но это место, где жили мама, бабушка, и оно дорого нам.

- Выход из подобных коллизий есть? Не все могут кого-то привлечь для поиска сведений и лично поехать на земли предков.

- Я вижу выход в оцифровывании архивов. Доступ к бумажным тяжело дается. По сути, они до сих пор засекречены. У меня есть протокол допроса деда в 30-м году, в нем вымараны какие-то фамилии, которые он упоминает. Из соображений безопасности или этики архивы до сих пор закрыты. Но сейчас для нас главное в том, что в Казахстане создана Госкомиссия по Указу Президента Токаева о полной реабилитации жертв политических репрессий. Фонд тоже вошел в комиссию. Надо хотя бы номенклатуру дел составить в электронном виде, чтобы тот, кто ищет сведения, мог в них ориентироваться, иметь направление в поиске. Многие уехали в Германию, в Россию, но вдруг завтра что-то понадобится. Пусть люди знают, где лежит дело.

Опять же на своем примере: адрес дома бабушки мы с братом не нашли. Я связался с архивом Кабардино-Балкарии: вы мне справку дали, что бабушка сдала дом, а глава администрации поселка говорит, что нет такого дома и нет такой улицы. Как такое может быть? Отвечают, что ничего не знают. Теперь работает специалист, которого мы наняли, будет искать любые факты. Может

быть, в педучилище, где мама училась, архив сохранился, а там где-то есть строчка о студентке Шефер. Я к тому, что не каждому по возможностям работать с архивами. Нередко люди получают отписки: была война, и все сгорело. Но архивы получают оплату за свои справки,

Памятник Герою Социалистического Труда Ивану Шарфу

поэтому должны тщательнее работать, точнее. Таких вопросов возникает много. И если дела будут оцифрованы, жизнь наших предков станет яснее, понятнее, а это важно для каждой семьи.

Сейчас в Германии цифруют все архивы, тысячелетние документы, что хранятся в церквях, будь то причастие, бракосочетание, рождение, смерть, место погребения. Я это вижу, потому что на мое генеалогическое дерево приходит обновленная информация по обозначенным на нем персонажам. Человек, дата смерти, похоронен там-то – все это плоды цифровизации. Необходимо знать номера дел, потому что их выдают для ознакомления только родственникам или исследователям по особому запросу. Нужно составить реестр, чтобы, примерно зная, что предки находились в Караганде или в Кустанае, искать там информацию. Надеюсь, что пилотный проект по Костанайской области запустим в следующем году. С этой работой, конечно, надо торопиться, дела тлеют. Если их оцифровать, они послужат еще не одному поколению.

- Если говорить о 50-х, наверное, не все немцы захотели бы уехать, например, из Кустанайской области. Целина, изобилие хлеба, строительство, новая техника – что еще надо для работающей нации? Немцы ковали трудовую славу, о которой и сегодня все вспоминают как об утраченной общей ценности.

- Согласен. В Кустанайской области немцам особенно повезло и с целиной, и со строительством новых городов. Трудовая слава и почести были заслуженными. Постепенно клеймо «немец» теряло свою военную подкладку, хотя не все со мной согласятся, потому что ордена и звания для немцев все-таки придерживали. Фонд «Возрождение» последовательно накапливает биографические материалы о земляках, выдающихся представителях немецкого народа. С 2017 года идет работа над книгами по типу серии ЖЗЛ. Например, в этом году мы выпустили книгу о Герое Социалистического Труда Якове Геринге, председателе колхоза в Павлодарской области. На очереди – Герой Социалисти-

ческого Труда Иван Иванович Шарф. Сейчас птицефабрика, которую в своё время он возглавил, обеспечивает продукцией столицу Казахстана. Мы его бюст на территории установили – в пример тем, кто работает на этом предприятии. Люди приняли памятник по-доброму, многие

- Кто пишет эти книги?

- Ряд книг написал Владимир Андреевич Ауман. Он живет в Москве, ему сейчас 83 года, он многих помнит, кропотливо собирает информацию. Сейчас готовит мемуарную книгу о самом себе. В ЦК КПСС он был единственным немцем – напишет, обязательно издадим. Это достаточно уникальная биография. Когда Аумана из Кустаная не пропустили в Высшую партшколу, тот, кто был против, сказал предельно откровенно: «Ну, как же? Я с ними воевал, как же я его пропущу?» Это очень ценные факты из жизни немцев, и я попросил Владимира Андреевича ничего не утаивать. Например, о его общении с Кунаевым. Это всем интересно.

- Книги о немцах несут миссию?

- Я вижу миссию этих книг не только в историзме, но и в прикладном их значении. Взять изучение языка. Почему в период спецкомендатур молодежь перестала общаться на немецком? Запрещалось – это одно. А другое – сказывалось отсутствие мест компактного проживания немцев. Семьи рассеяли по окраинам страны. Территории огромные, сделать это не составило труда. Отголоски до сих пор ощущаются – и утрата языка, и ассимиляция с другими этносами произошли в силу этих причин. Хотим мы того или нет, но понятие российские (советские, казахстанские) немцы потихоньку размывается. Но, тем не менее, когда к своим землякам обращаюсь, то напоминаю им опыт родителей: посмотрите на них, на своих предков, им что, легче было? Во сто крат тяжелее! Бельгер, Госсен, Геринг прошли через множество преград и ограничений, но язык идеально знали, и карьере сделали, и оставили неизгладимый след в памяти народа и страны. Я называю наиболее известные в Казахстане фамилии, но и рядовые люди немецкой национальности всегда были «в тонусе». Я изучаю историю своего села Валерьяновка, своей семьи – люди были ударниками. Слово подзабытое, но его смысл и сегодня актуален. Преодолевая невзгоды, они работали и за счет этого выживали. Я бы сказал, что немцы осознанно соревновались и с немцами, и с другими этносами. Хотелось бы и сегодня видеть эту соревновательность в разных сферах жизни, и, конечно, мы подвигаем всех к изучению немецкого языка. Для этого нет никаких ограничений – прилагайте собственные усилия для достижения и этой цели, и любой другой.

- Как вы считаете, эту круглую дату, 80-летие начала депортации немцев, надо отметить не только скорбью, но и оптимизмом, верой в себя, в народ?

- Мы каждый год отмечаем 28 августа возложением венков, в последнее время в лютеранском храме столицы проводим вечер памяти с молитвами за упокой душ наших родителей. Карантин вносит коррективы, но сейчас мы работаем над тем, чтобы состоялась общенациональная акция памяти, хотим вовлечь как можно больше людей, особенно молодежь. Акция проходит ежегодно, но этот год особенный. Она началась месяц назад. Делаем упор на Интернет, чтобы он всех нас соединил и объединил. Чтобы везде, где ведется работа, мероприятия были доступны. Я считаю, что оптимизм в том и состоит, чтобы быть вместе. И этот день мы непременно должны прожить общей печалью и общей памятью.

- Спасибо Вам, Альберт Павлович. ■

Беседу вела Людмила Фефелова.

Фото: архив ДАЦ

Взгляд историка: депортация немцев Поволжья

Тамара Волкова, кандидат исторических наук, почетный профессор Казахстано-Немецкого университета

Печально знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» не был началом их депортации. Аресты и выдворение немецкого населения как «неблагонадежного элемента» начались уже в первые дни после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Документы доказывают, что первыми были высланы немцы белорусского Полесья (с 23 июня до конца августа 1941-го). Большинство их оказалось в Казахстане (ВКО, Акмолинская, Актюбинская, Алма-Атинская, Талды-Курганская области). С 15 августа началась «эвакуация», как было сказано, немцев из Крыма в Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ординскую и Южно-Казахстанскую области, с середины августа – из районов Украины. Эти депортации совершались по этническому признаку, практически без объяснений со стороны властей. Подобное насильственное выселение стало своего рода репетицией более поздних масштабных действий НКВД. Впрочем, на счету у органов уже были депортации немцев и поляков в 1935-1936 гг., а также «национальные операции» 1937-1938 гг.

Депортация поволжских немцев

Указу Президиума ВС от 28 августа 1941 г. предшествовал основательный документ – Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». В этом документе на шести (!) листах без лишних преамбул изложен подробный план переселения, в том числе механизм погрузки, выгрузки и размещения людей с обозначением цифр, мест расселения и т. д. Исследователи делают вывод, что депортация немцев Поволжья в высших кругах готовилась примерно с 15 августа.

Почему же не раньше? В начальный период войны советское руководство еще рассчитывало, что пример счастливой жизни немцев Поволжья вдохновит солдат Вермахта. «Немецкие солдаты! Переходите на нашу сторону! Поверните ваше оружие против... Гитлера и его своры», – призывали советские листовки. Однако пропагандистский эффект был минимальным. Судьба Республики немцев Поволжья была решена, тем более, что у властей нарастало недоверие и подозрительность к немецкому народу, хотя и, казалось бы, своему, советскому.

Были ли шпионы и предатели?

В Указе от 28 августа 1941 года бездоказательно утверждалось, что «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Далее сделано надуманное заключение, что так как о диверсантах

никто из немцев властям не сообщал, то, «следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти».

Голландский историк, член Королевской Нидерландской академии искусств и наук Луи де Йонг, исследовал архивы и сделал вывод: «...нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. До сих пор не опубликовано никаких документов, подтверждающих выдвигаемые против немцев Поволжья обвинения, будто среди них имелись «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов». [Луи де Йонг. *Пятая колонна в Западной Европе. Загадки третьего рейха*. М., 2004. – с. 274.] А.А. Герман, анализируя Указ, делает вывод, что «для любого профессионала того времени: партийного, советского работника, представителя карательного аппарата, военного специалиста – был вполне ясен бредовый характер заявления» о десятках тысяч диверсантов и шпионов. [А. Герман. *Указ*. соч. – с. 427]

Характерно, что позже огульное правительственное обвинение немцев Поволжья в предательстве и шпионаже было распространено на все немецкое население Советского Союза. Был принят ряд аналогичных документов, немцев депортировали из всех республик и областей страны. Так, 30 августа 1941 года секретный приказ наркома внутренних дел СССР предписывал «...мероприятия по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР». 31 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление арестовать в девяти областях Украины весь «антисоветский элемент» среди немецкого населения, а всех мужчин-немцев от 16 до 60 лет мобилизовать в строительные батальоны, часть из которых отправили в Кимперсайлаг в Актюбинской области.

Необходимо определенно сказать, что ни один из фактов коллаборационизма поволжских немцев не подтвердился. Это подчеркнуто в постановлении

Президиума ЦК КПСС от 13 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Правительство СССР приняло решение снять «огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья», и Указ 1941 г. отменить. Признаны большие трудовые заслуги советских немцев и их вклад в победу над фашизмом, в «строительство коммунизма».

Причины депортации

Красная армия в первые месяцы войны терпела поражение, что повлияло на принятие решения о депортации немецкого населения. Причины, которыми руководствовались советские власти, сводились к следующему: 1. опасения возможного пособничества немецкого населения врагу; 2. обеспечение восточных районов трудовыми ресурсами; 3. намерение расколоть и нивелировать немецкую этническую сплоченность. Еще одна причина – создание из немцев образа «внутреннего врага». Выселенное немецкое население переходило в ведение НКВД, что фактически приравнивало его к лицам, совершившим преступление против Советского государства. Отношение к немцам в этот период было соответствующее. Эмоциональный контекст формировала пресса: именно 28 августа 1941 г. И. Эренбург в газетной статье написал: «О врагах наш народ говорит «немец», «фашист»... Депортация немцев была упреждающей, а за ней последовали «депортации возмездия» карачаевцев, калмыков, чеченцев, крымских татар.

Статистические данные

Немцы Поволжья в количестве 440 тыс. человек были депортированы в 188 эшелонах, какая-то часть из них была погружена на теплоходы. В Казахстан в 51 эшелоне прибыло 117,7 тыс. человек, расселенных в шести областях республики. Таким образом, лишь 27% немцев Поволжья попали в Казахстан, остальные – в Сибирь.

С сентября 1941 г. масштабы депортаций увеличиваются, расширяются географически, явление приобретает массовый характер. Депортированные продолжали поступать в Казахстан и в 1942 г.

По данным НКВД СССР, по состоянию на 01.01.1942 г. в места депортации было отправлено 856 168 немцев из разных районов СССР. Но к месту назначения прибыло только 799 459 чел. в основном по причине гибели в пути. Из-за больших потерь населения, насильственных перемещений, мобилизации в трудовую армию наблюдается расхождение статистических данных. Имеется общая цифра депортированного в Казахстан немецкого населения. Сведения НКВД СССР показывают, что в 1941-1945 гг. в Казахстан выселили 444 005 немцев, причем, 333 775 – по решению правительства, а остальных – по распоряжению советов фронтов и армий, которые в этот период были наделены такими полномочиями. [А.Айсфельд, Л. Бургарт. *Депортация немцев из Европейской части СССР // История и культура немцев Казахстана*. – Гёттинген – Алматы: I see real, 2017. – с. 184]

Завет Герольда Бельгера

Прошло уже 30 лет, как Герольд Карлович написал следующие строки: «Скорбный юбилей отметил в 1991 году один из народов нашей страны – пятидесятилетие насильственной депортации советских немцев. Как и всякий юбилей – горестный или радостный – он требовал, чтобы на факт насильственного выселения обратили внимание с расстояния прошедших лет, чтобы осмыслили его и вникли в его глубинную суть». [Г. Бельгер. *Терзания духа // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы*. – Алматы: Арыс – Казакстан, 1998]. Осмыслили ли мы во всей полноте уроки депортации? Тема насколько тяжелая, настолько и благодатная: о жизненной стойкости народа. ■

■ *арест* – Arrest, der; Aushebung, die

■ *объяснения* – Erklärungen, die;

Erläuterungen, die

■ *насильственное выселение* –

Zwangsräumung, die

■ *шпион* – Lauscher, der; Spion, der

■ *утверждать* – behaupten; bestärken

■ *диверсант* – Diversant, der,

Moldwurf, der

■ *постановление* – Ratschluss, der,

Verfügung, die

■ *строительный батальон* –

Baubataillon, das

■ *трудовые заслуги* – große

Arbeitsverdienste

■ *пособничество* – Handlangerdienst, der

Бессмертный эшелон

Почтить память жертв августовской депортации 1941 года планируется не только в Казахстане, Германии и России, но и в Латинской Америке.

Марина Ангальдт

В те дни всюду велись бои на Кингисеппском, Смоленском, Гомельском, Днепропетровском и Одесском направлениях. В них, наравне с другими бойцами, сражались и российские немцы. Примечательно: в день выхода Указа о депортации на страницах «Комсомольской правды» опубликовали «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Автор статьи поведал о смелом зенитчике, сбившем четыре бомбардировщика «Юнкерс», и процитировал его слова: «Да, я – немец. И всей душой ненавижу того, кто смеет называть себя вождем немецкого народа...»

Таких героев, как Нейман, было немало. Тысячи российских немцев участвовали в обороне Родины. Многих из них отметили наградами, а осенью сослали в лагеря ГУЛАГа – трудовую армию.

– Наш международный проект «Erbarne dich, Gott!» – программа нескольких лет. Ограничивать её нет смысла. Конец августа 1941 года – лишь начало большой трагедии российских немцев, – говорит Виктор Претцер, профессиональный актёр, выпускник государственной театральной академии (ГИТИС им. Луначарского), директор Немецкого национального театра в Калининграде (с середины 1990-х по начало 2000-х годов). – Судите сами: 28 августа 2021 года – восьмидесятилетие депортации. А в феврале 2022 года будет 80 лет с момента открытия советских лагерей для мужчин-немцев. В начале 1942 года Госкомитет обороны СССР принял постановление «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». Позже эти категории расширили за счёт подростков, мужчин 51-55 лет и женщин 16-45 лет. Зимой 2023-го исполнится 80 лет, как появились лагеря для женщин-немок... Мероприятия завершатся примерно в 2025 году.

– Кому принадлежит идея?

– Международному творческому объединению INTERBÜHNE Lübeck e.V. и Международному документационному центру DAS ROTE TOR, г. Мёльн.

– Почему Вы выбрали название с религиозным оттенком?

– Мы решили сделать акцент не на политических акциях, речах политиков и бургомистров, а на духовном: «Erbarne dich, Gott!» или «Смилуйся, Господи!» Большинство российских немцев всегда были верующими. Именно благодаря вере в свои и божественные силы люди смогли пережить страшную трагедию и её последствия.

– Кто Ваши партнёры?

– Изначально мы планировали включить в программу лишь Казахстан и Российскую Федерацию, но для нас было приятной неожиданностью то, что к проекту подключились потомки российских немцев в Латинской Америке. В ряде немецких колоний в Аргентине, Бразилии и Парагвае состоятся траурные мероприятия, будет озвучена архивная информация. Полагаю, скоро к нам присоединятся новые страны.

– Что пройдет в Германии?

– Богослужения, тематические выставки, возложение цветов и венков. Запланированы также передвижные экспозиции по истории российских немцев. Первая небольшая выставка состоится 26-28 августа. Моя тема – история немецких театров в довоенном СССР: судьбы актёров, режиссёров и других творческих личностей. Представим первый баннер. В дальнейшем будут проходить ещё фотовыставки...

– Как Ваши предки пережили депортацию?

– Мой папа был русским, его родственники воевали на фронте и трудились в тылу. «Всё для фронта» – этим лозунгом жила страна. Мою немецкую родню по маминной линии с 4 на 5 сентября 1941 года депортировали из Поволжья, со станции Гмелинская, в Костанайскую область, в село Назаровка Карабалыкского района. Там проживала всего одна казахская семья, которая и сыграла ключевую роль в судьбе моих родных. Пожилые казахи спасли бабушку и ее детей от голодной смерти. Дедушку в то время забрали в трудовую армию – оттуда он не вернулся. Спустя много лет выяснилось, что его расстреляли...

Моника Госсманн (Monika Gossmann), актриса, хореограф, режиссер:

– Оба моих деда родом из Поволжья. Один из них – Генрих Госсманн – из села Альт-Урбах (Alt-Urbach) – сейчас это

Фурмановка. Дед рассказывал, что в 1941 году – тогда ему было лет 9-10 – собрали богатый урожай. Чердаки, погреба, амбары и сараи заполнили доверху. Все были довольны: ведь отменный урожай – значит, сытые осень, зима и весна. Но всё это – власть явно дождалась конца уборочной – а также жилища, скот и прочее у немцев отобрали. Родню посадили в теплушки и повезли в Казахстан. Тогда же мой дед Генрих частично отмозил ноги – потом всю жизнь плохо ходил... Взрослых сослали в шахты, на рудники и лесоповалы, а их дети голодали и попрошайничали... Другой мой дед – Александр Лаутеншлегер (1917-1918 г.р.) на момент начала войны служил в рядах Советской армии в Минске. Попал в плен. Узнав, что он русский немец, прекрасно говорящий по-немецки, его назначили переводчиком. По словам деда, ему было настолько стыдно и неудобно перед русскими товарищами, что однажды вместе с одним из них он сбежал. Передвигались беглецы по ночам... Затем дед угодил в советский плен и был сослан на каторгу в Архангельск...

Ирма Арендт, актриса, театральный режиссер, педагог:

– Моя семья – из-под Ростова-на-Дону, из немецкого поселения Роте Фане (Die Rote Fahne). В 1941-ом, в течение суток, родню выслали оттуда. Люди успели захватить с собой лишь 25 кг пожиток.

У бабушки на руках было трое деток: моя шестилетняя мама, ее четырехлетняя сестра Валя и практически новорожденный Ванечка. Его в Казахстане так и не спасли – он умер. На очередной остановке их высадили посреди степи в Южном Казахстане. И сообщили, что теперь они будут жить здесь... Бабушка была удивительным человеком: потеряла мужа – он был репрессирован вместе с ее родным братом. «Пели антисоветские песни», – говорилось в доносе. А других песен в то время и не знали, кроме восхваляющих бога: рождественских, пасхальных и пр. Так вот, бабушка потеряла мужа, руку, сына... Поднимала одна двоих детей. Но, пройдя через все горести, осталась добрейшим человеком. Самым страшным для неё было осознание того, что «этот verfluchter Hitler» говорит на том же языке, что и мы. То есть враг пришёл с исторической родины...

Ина Менцер (Ina Menzer), профессиональный боксёр, экс-чемпион мира, персональный тренер и спикер:

– Родне обещали, что ссылка на чужбину не продлится долго: едва закончится война, можно будет вернуться домой. Конечно, этого не произошло. Людей депортировали в Казахстан, распределили по семьям. Казахи помогли с едой... Двоих прадедов по нацпризнаку расстреляли ещё в Поволжье, многих других мужчин забрали в трудовую армию. Моему деду дали десять лет за то, что он украл 10 кг. пшеницы – есть было нечего, люди умирали от голода.

Хелена Голдт (Helena Goldt), оперная певица, музыкант:

– В 1809 году один из моих прапрадедов эмигрировал из Зинсхайм-им-Крайхау на юг России, на территорию современной Украины. Когда сто с лишним лет спустя восточный фронт Германии обрушился на колонистов, их вместе с моими бабушкой и дедушкой погрузили в вагоны и отправили в Бранденбург. Для Сталина они все были военными преступниками и предателями. После освобождения их депортировали в Сибирь, где в середине 1950-х появились на свет мои мама и папа.

Александр Франк (Alexander Frank), профессиональный боксёр в супертяжёлом весе, чемпион мира WBCA, UBO и WBU, обладатель пояса им. Гейдара Алиева:

– Мой дед Александр Франк родился в Поволжье в 1932 году. Учился до третьего класса в местной школе. Затем его вместе с семьёй выслали в Кемеровскую область, в город Киселёвск. Когда по пути у людей закончились еда и питье, к ним в вагон закинули тушу дохлого животного. Ею и питались...

Василий Бек (Vasily Beck), музыкант, группа Green spirit (Эстония): «Композицию придумал, глядя на горы Казахстана»

– В детстве, когда я приезжал в Казахстан, мы с дедом ходили в горы. Я смотрел вдаль, а он что-то рассказывал. Вспоминал о жизни в Поволжье, о столярной мастерской, оставшейся там, – семья занималась производством мебели – об отобранном отчете дома... ■

Знать историю своего народа

Депортация – трагедия, которая разделила жизнь советских немцев на «до» и «после». Трагедия, которая вопреки всему стала мощным толчком для формирования общности казахстанских немцев из насильственно выселенных, депортированных, репрессированных, спецпереселенных практически из всех регионов бывшего Советского Союза.

Юлия Подопригора, Алтынай Мухамедьярова

■ Казалось бы, депортация немцев в Казахстан, трудармия и жизнь в условиях режима спецпоселения должны быть интересны для ученых и исследователей, но, тем не менее, именно по данной теме в Казахстане до сих пор мало квалифицированных исследований, сборников документов, научных статей и публикаций, отсутствуют базы данных депортированных и трудармейцев. Стоит отметить, что за более чем тридцатилетний период изучения данной проблемы накоплен определенный исследовательский опыт, но он по большей части состоит из работ ученых РФ, ФРГ, Украины и т.д. Эти материалы в основном и используются на занятиях по истории, которые организуются для подрастающего поколения казахстанских немцев. Но уже сегодня очевидно, что только данных источников, дополненных немногочисленными сборниками воспоминаний немцев, недостаточно.

У молодого поколения казахстанских немцев должна быть возможность ознакомиться не только с указами и постановлениями, согласно которым начался процесс насильственного переселения советских немцев из регионов компактного проживания на территорию Казахской ССР, но и с дальнейшим ходом расселения более 400 000 немцев в 12 областях Казахстана, с более детальной информацией об условиях размещения и проблемах, с которыми они сталкивались, о существовавших трудовых лагерях и трудовых колоннах в Актюбинске, Караганде, Павлодаре, Балхаше и др., о дискриминационном режиме спецпоселения, который ломал

судьбы людей, а некоторых заставил отказаться от своей национальности.

Сегодня у этнических немцев Казахстана есть потребность в дальнейшем расширении и углублении знаний о депортации, трудармии и спецпоселении. По словам Президента РК Касым-Жомарта Токаева, «политические репрессии 20-50-х годов XX века – печальная страница в истории нашего народа». 24 ноября 2020 года он подписал указ «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий».

На сегодняшний день рассмотрены задачи Госкомиссии, план ее работы на 2020-2021 годы, вопросы методологического обеспечения деятельности по реабилитации различных категорий жертв репрессий. Созданы специальные рабочие группы. Организационный этап Госкомиссии завершен, и начата

активная научно-исследовательская работа ученых и экспертов в различных архивах страны. Создан Проектный офис, в состав которого вошли ученые и представители госорганов.

В целях обеспечения деятельности Государственной комиссии разработана специальная научная программа «Процесс массовых политических репрессий и реабилитации в Казахстане в 20-50-е годы XX века: формирование единой базы данных».

Для всестороннего охвата всех направлений деятельности сформированы 11 рабочих групп. Каждая из них работает в рамках тематических планов и определенной методологии в соответствии с категориями жертв репрессий. К научно-исследовательской деятельности в архивах города Алматы приступила рабочая группа по нереабилитированным жертвам насильственно

депортированных в Казахстан народов и спецпоселенцев под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры международных отношений мировой экономики КазНУ им. Аль-Фараби, директора Центра германских исследований М.Ш. Губайдуллиной. В составе рабочей группы известные казахстанские ученые и специалисты: Герман Ким – директор Института азиатских исследований, доктор исторических наук, профессор КазНУ им. Аль-Фараби; Манара Калыбекова – заведующая отделом внешних связей Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; Алтынай Мухамедьярова – доктор политических наук, профессор кафедры социальных дисциплин алматинского университета энергетики и связи имени Гумарбека Даукеева; Юлия Подопригора – кандидат исторических наук, член научно-экспертного совета Общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение»; Алия Болатхан – научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова.

Главная задача Государственной комиссии – восстановление исторической справедливости в отношении всех категорий жертв политических репрессий. Полностью итоги работы будут подведены по результатам анализа архивных документов, с учетом научных исследований.

После проведения всестороннего и комплексного изучения материалов на основе международных подходов и стандартов планируется осуществить полную юридическую, а в отношении отдельных категорий – политическую реабилитацию. ■

За болью – боль...

Многие, кто жил в совхозе Беловодский с 1942 года, знают семьи Ивана Симона, Карла Ренде, Рейнгольда Шандера; Гольтманов, Роонов, Гофманов. Они были больше, чем соседями, делили радости и беды друг друга. В этих семьях умалчивалось о том, как они оказались в Казахстане.

Ирина Винтер-Дьяченко

■ Однажды Симоны – дочь с матерью – возвращались домой с Алтая, где были в гостях у родственников. Добирались они в Павлодар на пароходе по Иртышу, и судно вышло из строя. Произошла задержка на целые сутки. Произошла задержка на целые сутки. Испуганный Иван Фёдорович встретил их на пристани, и все спешно явились в прокуратуру. Восемилетняя девочка запомнила здорового дядьку, который размахивал пистолетом, топал ногами и истошно орал, грозясь всех перестрелять. Этот страх не забывался никогда. Ребёнок не мог понять, почему их перестреляют?! Потом она спрашивала об этом у родителей и слышала в ответ: «Терпи, дочка, вырастешь, всё узнаешь. Такая у нас участь». Только сейчас Екатерина Симон уже не боится смело поделить документами, которые когда-то случайно попали ей в руки. Они и ответили на её вопросы.

Родители Екатерины поженились в 1939 году. Прожили 11 месяцев, и отца забрали в армию. Служил в 74-м железно-

дорожном строительном батальоне Приморского края в городе Сучан. В марте 1941 года части были переброшены на Запад – к станции Красне в Львовской области. Началась война. Отец служил шофёром до середины августа сначала на Западном фронте, затем на Калининском – снабжал фронт всем необходимым.

28 августа 1941 года вышел Указ о депортации. Так семья Симон вместе с другими немцами была выселена в Казахстан. По документам – 14 сентября 1941 года эшелоном № 790. Потрясают своей бесчеловечностью условия, в которых оказались ни в чём не повинные люди. Действия НКВД были тщательно засекречены. Местные власти получали предупреждение о прибытии десятков тысяч ссыльных в самый последний момент. Никакого специального жилья для них предусмотрено не было, селили в канун зимы где придётся, а то и оставляли под открытым небом. Ни еды, ни тёплых вещей. Слово специально обрекали на вымирание. Симонов привезли в Кайманачиху Иртышского района.

Весь живой груз распределили по сёлам района. Поздняя осень, большую семью никто из местных в свои дома принимать не хотел, пришлось селиться в кошаре. Тепло рядом с овцами помогло

спастись от лютых морозов. Соорудили толстые соломенные подстилки, которые тоже хоть немного согревали во время сна. Постепенно начали обживаться. >> стр. 10.

Das Nicht-Sichtbare der Geschichte sichtbar machen

Ira Peter, Stadtschreiberin von Odessa, im Interview

Katharina Martin-Virolainen

■ Von Mai bis Oktober 2021 ist Ira Peter als Stadtschreiberin* von Odessa im Schwarzmeergebiet unterwegs und recherchiert zu deutscher und jüdischer Geschichte in der Region. Ihre Eindrücke teilt sie auf ihrem Instagram-Account unter @ira_peter und auf ihrem Blog unter www.stadtschreiberin-odessa.de. In einem Interview mit der DAZ berichtete Ira Peter von ihrem Stadtschreiber-Stipendium und ihrem Aufenthalt in Odessa:

Ira, warum hast du dich für dieses Stipendium beworben? Was hat dich an Odessa so gereizt?

Die Ukraine ist für mich ein besonderes Land, unter anderem auch, weil meine Großeltern bis zu ihrer Deportation nach Kasachstan im Jahr 1936 in einer deutschen Kolonie in Wolhynien gelebt haben. Die Geschichte und die Kultur des Landes haben mich schon immer sehr interessiert. Odessa hat mich gereizt, da es eine multinationale Stadt ist und immer war. Sie hat einen besonderen Flair und eine besondere Geschichte, die darauf basiert, dass hier einst viele Menschen aus unterschiedlichen Ländern und Kulturen zusammengeliebt und das Stadtbild geprägt haben. Ich sah das Stipendium als meine Chance, die Ukraine besser kennenzulernen und mehr über die Geschichte des Landes, aber auch der deutschen Minderheiten und der jüdischen Bevölkerung zu erfahren.

Was war das erste prägende Erlebnis in Odessa und was macht diese Stadt für dich so besonders?

Mein erstes prägendes Erlebnis war die Begegnung mit meiner Vermieterin. Sie war der erste Mensch, den ich in Odessa kennengelernt habe. Bei meiner Ankunft in der Wohnung wartete sie mit einem großen Blumenstrauß auf mich. Sie hatte ein paar Sachen für mich eingekauft und die Tiefkühltruhe mit Pelmeni gefüllt.

Das Besondere an Odessa sind die Menschen – mit ihrem Humor, ihrer Offenheit und ihrer Leichtigkeit: Das habe ich so in keinem anderen Land erlebt. Du wirst überall herzlich empfangen und eingeladen. Die Menschen betrachten dich aber nicht als Gast, sondern als eine Schwester oder Cousine. Egal, wo du hinkommst, du gehörst sofort zur Familie.

Ob im Taxi oder im Rahmen eines Interviews für meinen Blog: Die Menschen gehen immer gern und offen ins Gespräch. Sogar, wenn sie über die schweren Kapitel der Vergangenheit sprechen, so blicken sie am Ende doch immer positiv und zuversichtlich in die Zukunft.

Welche Themen würdest du gern im Rahmen deines Aufenthalts noch aufgreifen?

Die Themen sind vielfältig, sowohl geschichtlich als auch aus dem aktuellen Geschehen. Ich möchte mich mit der Ge-

schichte der Schwarzmeer- und der Besarabiendeutschen beschäftigen, deutsche Kolonien besuchen, aber auch einzelne Schicksale vorstellen. Kürzlich habe ich die Bürgermeisterin eines Dorfes getroffen. Das Dorf war früher eine deutsche Kolonie, trägt heute jedoch einen ukrainischen Namen. Die Bürgermeisterin ist selbst Ukrainerin und hat gar keinen deutschen Hintergrund, setzt sich aber dafür ein, dass das Dorf seinen deutschen Namen zurückbekommt. Bei solchen Geschichten finde ich es immer spannend, zu erfahren, was die Menschen bewegt und welche Hintergründe dahinter stecken.

Des Weiteren werde ich mich der jüdischen Geschichte im Schwarzmeergebiet widmen. Ich möchte das Holocaust-Museum besuchen und den Kontakt zur jüdischen Community aufbauen. Die Geschichte der jüdischen Bevölkerung ist für mich ebenfalls spannend und wichtig.

Letztens warst du auch in Wolhynien unterwegs: Was verbindet dich mit dieser Region?

Meine Großeltern haben bis 1936 in Wolhynien gelebt. Ich habe bereits alle ehemaligen Lebensorte meiner Vorfahren dort besucht. Ich finde es interessant zu sehen, in welcher Landschaft und in welcher Umgebung meine Großeltern gelebt hatten. Und um besser verstehen zu können, wer ich bin und was ich in mir trage. Ich werde immer wieder nach Wolhynien zurückreisen. Momentan setze ich mich dafür ein, dass in dem Dorf, aus dem mein Großvater kommt, ein Erinnerungsort entsteht: In Gedenken an 85 Jahre Deportation und an die deutschen, polnischen und ukrainischen Opfer der politischen Repressionen.

Jahrzehntelang ist meine Familie davon ausgegangen, dass es das Geburtsdorf meines Großvaters gar nicht mehr gibt. Als wir dann vor Ort waren, haben wir festgestellt, dass dieses Dorf nicht nur in der Erinnerung existiert, sondern dass dort tatsächlich noch Häuser stehen und Menschen leben. Dass den Bewohnern im Nachbardorf mein Nachname ein Begriff ist und sie sogar noch wissen, wo das Haus meiner Vorfahren stand – das war ein unbeschreibliches Gefühl!

Die Erzählungen meiner Großeltern über Wolhynien klangen für mich immer wie die Geschichten aus einem Märchenbuch. Als ich dort gewesen bin und alles mit eigenen Augen gesehen habe, wurde die Geschichte greifbar und lebendig. Daraus ziehe ich ganz viel Kraft für mein eigenes Leben. Ich fühle mich mit der Geschichte meiner Familie und auch mit Wolhynien sehr verbunden.

Ich finde alle Orte in der Ukraine interessant, wo noch Spuren deutscher Vergangenheit zu finden sind. Mancherorts sind diese Spuren sichtbar, aber es gibt auch Orte, wo nichts mehr zu sehen ist. Doch auch diese Leerstellen erzeugen eine Fülle an Emotionen in mir. Ich glaube, darum geht

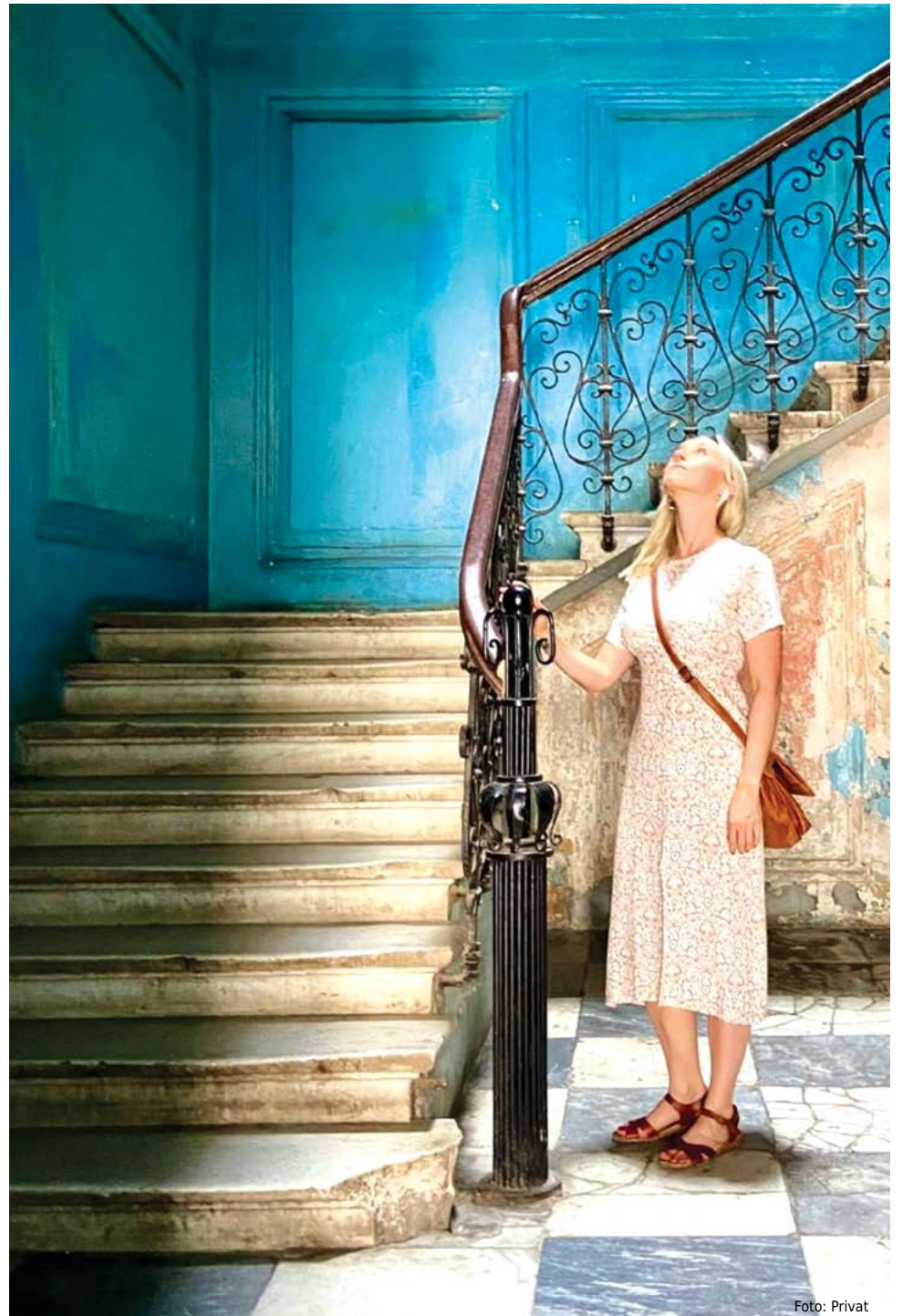

Foto: Privat

es bei der Aufarbeitung unserer Vergangenheit: Das Nicht-Sichtbare der Geschichte sichtbar zu machen und die Leere zu füllen.

Welche Rolle spielt die Erinnerungsarbeit heutzutage?

Erinnerungsarbeit ist für jeden Menschen wichtig, unabhängig von seiner Herkunft. In jeder Familie gibt es spannende Geschichten aus der Vergangenheit. Wenn man seine eigene Familiengeschichte kennt und weiß, was die Vorfahren erlebt haben, kann man daraus für das eigene Leben viel Kraft und Mut schöpfen.

Wenn ich vor Herausforderungen in meinem Leben stehe, denke ich oft an den Lebensweg meiner Vorfahren. Daran, was sie erlebt und wie sie all die Hindernisse überwunden haben. Trotz der schrecklichen Verluste und des schweren Schicksals sind sie nicht verzweifelt. Sie haben weder angefangen zu hassen, noch haben sie aufgegeben.

Auf der gesellschaftlichen Ebene finde ich die Erinnerungsarbeit sehr wichtig, damit sich das Grauen aus der Vergangenheit nicht wiederholt. Stellt euch mal vor, wir würden nicht über den Holocaust oder über die Deportationen sprechen. Wir hätten keine Ahnung, mit wie viel menschlichem Leid das verbunden ist, welche Folgen Hass oder Diktaturen nach sich ziehen können.

Dann besteht die Gefahr, dass solche schrecklichen Ereignisse sich wiederholen.

Was möchtest du der Welt noch mitteilen?

Die Ukraine ist ein hochinteressantes und ein sehr vielfältiges Land – landschaftlich und kulturell. Es gibt sehr viele Berührungspunkte in der Geschichte unserer Länder. Durch meinen Aufenthalt in Odessa hoffe ich, mehr Menschen in Deutschland für die Ukraine begeistern zu können. Gleichzeitig möchte ich auch in der Ukraine das Interesse an Deutschland wecken. Ich hoffe, dass die Verbindung und die Zusammenarbeit zwischen unseren Ländern stärker wird und wir in Zukunft mehr gemeinsame Projekte, zum Beispiel auf dem Feld der Erinnerungsarbeit, umsetzen werden. ■

**Das Stadtschreiber-Stipendium des Deutschen Kulturforums östliches Europa soll das gemeinsame kulturelle Erbe der Deutschen und ihrer Nachbarn in jenen Regionen Mittel- und Osteuropas, in denen Deutsche gelebt haben und heute noch leben, in der breiten Öffentlichkeit bekannt machen. Als Wanderstipendium konzipiert, wird es an herausragenden Orten des östlichen Europas angesiedelt und soll dort für gegenseitiges Verständnis werben sowie den interkulturellen Dialog fördern. Quelle: www.kulturforum.info*

80 Jahre Deportation der Deutschen in der Sowjetunion

In fünf Folgen hat „Volk auf dem Weg“ an Ereignisse und Entwicklungen erinnert, die sich in Bezug auf die Russlanddeutschen mit dem Beginn des deutsch-sowjetischen Krieges (1941-1945), aber auch schon vorher, in verschiedenen deutschen Siedlungsgebieten abzeichneten und ihren unumkehrbaren Lauf nahmen. Der verleumderische Erlass des Präsidiums Obersten Sowjets der UdSSR vom 28. August 1941, der die Wolgadeutschen und somit die ganze Volksgruppe für Jahrzehnte schuldlos an den Pranger stellte und den Untergang der Deutschen in der Sowjetunion endgültig besiegelte, markiert einen tiefen und bis in die Gegenwart nachwirkenden Einschnitt in der russlanddeutschen Geschichte. Der nachstehende Schlussbeitrag beschäftigt sich vor allem mit den verheerenden Folgen der Deportation und weiteren repressiven Maßnahmen, den schrittweisen halbherzigen Erleichterungen für die verbannten Deutschen und den Entwicklungen nach der Wende 1985 in der Sowjetunion. Mit der Massenauswanderung nach Deutschland hat sich der Kreis für viele russlanddeutsche Familien geschlossen.

Foto: Jakob Grinémaer (Podsosnowo), Archiv der LMDR

Deutsche bei Feldarbeiten in einem sibirischen Dorf.

■ Als Konrad Adenauer im September 1955 die Rückkehr der letzten 10.000 Deutschen aus der sowjetischen Gefangenschaft und Aufnahme diplomatischer Beziehungen zwischen Bonn und Moskau aushandelte, lebten Hunderttausende Russlanddeutsche immer noch in den Orten ihrer Verbannung.

Durch die Auflösung aller kulturellen Institutionen in den Herkunftsgebieten, Zerstreuung über Sibirien, Kasachstan und Mittelasien, Studiums- und Berufsverbot wurde die Grundlage für eine eigenständige Entwicklung der Deutschen in der Sowjetunion unwiederbringlich zerstört. „Die Deutschen erlebten eine in der Sowjetunion einmalige, negative Bildungsentwicklung: diejenige Nationalität, die im Russischen Reich und in der Zwischenkriegszeit fast vollständig lese- und schreibkundig war und zu dem am besten ausgebildeten Völkern der Sowjetunion zählte, verzeichnete 50 Jahre später den geringsten Anteil an Personen mit akademischen Abschlüssen“, beschreibt die Lage der Deutschen nach dem Krieg der Historiker Viktor Krieger.

Noch schwerwiegender als Diskriminierungen im sozialen und Bildungsbe- reich waren die sprachlich-kulturellen und moralischen Folgen der verweigerten öffentlichen Rehabilitierung, die sich über Jahrzehnte hinaus zog. Mit dem 28.8.1941 begann für die Deutschen in der Sowjetunion ein Nationalleben in einer Form, von der man weder sprechen noch schreiben, geschweige denn publizieren durfte. In der Öffentlichkeit wurde die Volksgruppe jahrzehntelang totgeschwiegen. Die staatlich geförderte Russifizierung und der Sprachverlust, somit auch der Identitätsverlust, griffen rasant um sich.

Dennoch: Die Hoffnung, in die alte Heimat an die Wolga zurückzukommen, hat viele Russlanddeutsche in den Jahren der

Verbannung nie losgelassen. Die alte Heimat winkte stets aus der Ferne und nährte so Erinnerungen und Hoffnungen. Auch die schrittweisen halbherzigen Erleichterungen für die verbannten Deutschen in der Sowjetunion nährten diese Hoffnungen.

1955: Aufhebung der Sonderkommandatur

Mit dem Dekret des Obersten Sowjets der UdSSR vom 13.12.1955 „Über die Aufhebung der Beschränkungen in der Rechtsstellung der Deutschen und ihrer Familienangehörigen, die sich in den Sondersiedlungen befinden“ (nicht zur Veröffentlichung in der Presse) wurde die erniedrigende Kommandatur aufgehoben, nicht aber das Verbot in die Heimatorte zurückzukehren. Die Betroffenen selbst erfuhren von seiner Existenz erst im Jahre 1964, als sich ein anderes Dekret auf dieses bezog.

Der Vollzug des Dekretes erfolgte allerdings unverzüglich. Im gleichen Monat begann man, in den verschiedenen Gebieten die Sondersiedlungen aufzulösen. Den Deutschen wurden Auslassungsbescheinigungen ausgestellt (nach Zeitzeugenberichten nicht allen Sondersiedlungen). Vorher mussten sie allerdings eine Erklärung unterschreiben, in der sie sich verpflichteten, nie wieder in ihre ehemaligen Gebiete zurückzukehren und keine Ansprüche auf konfisziertes Eigentum zu erheben.

Seit Ende der 1950er Jahre versuchte die Sowjetmacht, die nationalen Bedürfnisse der Deutschen zu befriedigen, um den Auswanderungsbestrebungen und der Autonomiebewegung entgegenzuwirken. Seit Dezember 1955 erschien in Barnaul/Sibirien die Zeitung „Arbeit“ – die erste deutschsprachige Publikation nach dem Krieg, die allerdings „wegen autonomi-

stischer Umtriebe“ schon im April 1957 aufgelöst wurde. Seit Mitte 1957 gab es die deutschsprachigen Zeitungen „Neues Leben“ (Moskau) und „Rote Fahne“ (Slawgorod, Altairegion) und seit 1966 die republikanische deutschsprachige „Freundschaft“ in Kasachstan (Zelinograd). Halbstündige Rundfunksendungen in den Orten der kompakten Ansiedlung (Sibirien und Kasachstan). Allerdings waren diese Maßnahmen und Schritte angesichts der allgegenwärtigen Parteikontrolle und Zensur nur als halbherzige Zugeständnisse zu betrachten.

1964: Teilweise Rehabilitierung der Deutschen in der Sowjetunion

Als in den 1960er Jahren das „Tauwetter“ anbrach, hofften auch die Deutschen auf Verbesserungen. Zahlreiche kollektive und individuelle Briefe an Zeitungen sowie Partei- und Regierungsstellen verschiedener Ebenen nannten das Unrecht beim Namen und forderten Gerechtigkeit für die deutschen Stalinopfer. Im Frühjahr 1964 befasste sich angesichts der wachsenden Unzufriedenheit sogar eine vom ZK der KPdSU eingesetzte Kommission mit dieser Angelegenheit.

Der Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR „Über Änderungen im Beschluss des Präsidiums des Obersten Rates der Sowjetunion vom 28. August 1941 „Über die Umsiedlung der im Wolga-Gebiet lebenden Deutschen““ vom 29. August 1964 beschloss, den Erlass vom 28. August 1941 in dem Teil aufzuheben, der „wahllos erhobene Anschuldigungen gegen die deutsche Bevölkerung enthält, die im Wolgagebiet lebte“.

Die Wolgadeutschen wurden von den „unbegründeten Beschuldigungen“ der Kollaboration mit dem Feind, die ein Aus-

druck der Willkür unter den Bedingungen des Personenkults um Stalin waren, zwar befreit, aber ihre Rückkehr in das Wolgagebiet, ein Anspruch auf das bei der Vertreibung konfiszierte Eigentum sowie die Wiederherstellung ihrer Autonomie blieben den Deutschen nach wie vor verwehrt. Es wurde festgehalten, dass die Deutschen an ihren neuen Wohnorten festen Fuß gefasst hätten, während die Gegenden ihrer früheren Wohnorte inzwischen neu besiedelt seien. Damit wurde angedeutet, dass eine Rückkehr an die Wolga nicht möglich ist.

Auch dieser Erlass wurde weder in den russischen noch in den deutschsprachigen Presseorganen der Sowjetunion veröffentlicht, nur im Anzeiger des ZK. Viele Wolgadeutsche erfuhren davon entweder auf dem Dienstweg (Personen in leitenden Positionen) oder durch die SED-Zeitung „Neues Deutschland“ vom 6.1.1965.

Delegationen 1965 - gescheiterte Hoffnungen

Nach 1964 kam es zur wachsenden Autonomiebewegung der Russlanddeutschen, begleitet von massiven Ausreisebestrebungen. Die Unzufriedenheit mit den halbherzigen Maßnahmen der Sowjetregierung (Erlasse von 1955 und 1964), die keine vollständige Rehabilitierung der Deutschen in der Sowjetunion gebracht hatten, ging um. In einigen Landesgebieten bildeten sich Initiativgruppen, die Unterschriften sammelten, auf einer vollen Rehabilitierung bestanden und die Wiederherstellung der ehemaligen Autonomen Republik der Wolgadeutschen forderten.

Die erste Delegation von deutschen Aktivisten wurde am 2.1.1965 vom Vorsitzenden des Präsidiums des Obersten Sowjets, Mikojan, im Kreml empfangen. Zu den Forderungen gehörte unter anderem die vollständige Rehabilitierung der verbannten Deutschen, die Veröffentlichung des Erlasses vom 29.8.1964 in den russischsprachigen Zeitungen, die Wiederherstellung der ASSR der Wolgadeutschen und der ehemaligen deutschen Kultureinrichtungen.

Da die Forderung nach der Wiederherstellung der Wolgarepublik auf völlige Ablehnung stieß, rüstete man zu einer weiteren Zusammenkunft mit Vertretern der Partei- und Staatsführung. Die zweite wesentlich größere Formation durfte am 7.7.1965 im Kreml vorsprechen. Erneut wurden Verbesserungen in Aussicht gestellt, eine Wiederherstellung der Autonomie an der Wolga aber aus Kostengründen und mit dem Hinweis auf eine bereits dort lebende Bevölkerung abgelehnt.

Nach den bescheidenen Ergebnissen der beiden Delegationen verbreitete sich unter den Russlanddeutschen die Überzeugung, dass es für Menschen deutscher Nationalität in der UdSSR keine Perspektiven gäbe. >>

>> Die Forderung der Deutschen nach der Wiederherstellung ihrer autonomen Republik wurde als Nationalismus ausgelegt und entsprechend verfolgt. Von nun an traten zunehmend die Forderungen nach Ausreise ohne Bezug auf Familienzusammenführung in den Vordergrund. Die Sowjetregierung bot zunächst die Möglichkeit der Ausreise in die DDR. Über 200 Familien kamen 1968-1969 auf diesem Weg nach Karl-Marx-Stadt (heute Chemnitz) und Dresden. Aufgrund des hohen Andrangs wurde diese Möglichkeit aber wieder eingestellt.

1972: Aufhebung der Beschränkung der Wohnsitzwahl

Erst der Erlass vom 3.11.1972 „Über die Aufhebung der Beschränkung in der Wahl des Wohnsitzes, die in der Vergangenheit für einzelne Kategorien von Bürgern vorgesehen war“ ermöglichte zwar eine Reisefreiheit, der Rückkehr in die ursprünglichen Wohnorte wurde allerdings nach wie vor erschwert.

Die Rückkehr der ersten deutschen Familien in das Wolgagebiet setzte bereits nach der Aufhebung des Regimes der Sonderansiedlungen seit 1956 ein. Sie erfolgte halblegal, denn es bestand ein offizielles Verbot der Rückkehr. Meistens wurde den Deutschen die Anmeldung am früheren Wohnort verweigert. Jedoch wagten manche Kolchosvorsitzende oder Landkreisleiter, die frei von ideologischen Vorurteilen waren, das Verbot in Ermangelung von Arbeitskräften zu umgehen.

Im Gebiet Wolgograd (früher Stalingrad) fand diese Praxis die breiteste Anwendung. In den 1970er Jahren stieg die Zahl der zurückkehrenden Familien beträchtlich an. Einen echten Höhepunkt der Umsiedlung von Deutschen in das Wolgagebiet wurde um die Wende der 1980er und 1990er Jahre im Zusammenhang mit der Hoffnung auf die Wiederherstellung der deutschen Autonomie an der Wolga verzeichnet. Laut den Angaben der Volkszählung von 1989 lebten im Raum des Gebiets Saratow 17.000, im Gebiet Wolgograd 26.000 und im Gebiet Kujbyschew 7.000 Wolgadeutsche.

Jahrzehntelang totgeschwiegen - Schicksalsgemeinschaft der Russlanddeutschen

Geprägt vom Trauma der Deportation, Zwangsarbeit in den NKWD-Lagern und Entrechtung, entwickelte sich in den Jahrzehnten nach dem Krieg eine Art Schicksalsgemeinschaft unter den Deutschen der Sowjetunion. Auch unter den Umständen eines offensichtlichen Totschweigens und einer staatlich organisierten Diskriminierung konnten sich die Deutschen immer wieder beweisen.

Überall, wo Deutsche durch die Willkür des Staates gelandet waren - sei es in Sibirien, Kasachstan oder Mittelasien - ließen sie durch ihrer Hände Arbeit blühende Oasen entstehen. Viele deutsche Kolchosen und Sowchosen, angeleitet von deutschen Vorsitzenden, brachten es zu einem beträchtlichen Wohlstand. Vorzeigewirtschaften, die gerne auch den ausländischen Journalisten vorgeführt wurden, gab es in der westsibirischen Kulundasteppe, in Kasachstan oder in Kirgisien. Viel und fleißig arbeiten durften die Deutschen sehr wohl. In den Zeitungsberichten duften sie allerdings nicht unbedingt erwähnt werden. Auch die entsprechenden Auszeichnungen bekamen nicht selten andere.

Im „Archipel Gulag“ (Band 3, Bern 1974, Kapitel „Die Völkerverschickung“) von Alexander Solschenizyn ist dazu nachzulesen: „Unter allen zwangsumgesiedel-

ten Nationen haben sich die Deutschen wiederum als fleißigste unternehmerische Bevölkerungsgruppe erwiesen. Wie einst auf dem von Kaiserin Katharina geschenkten fruchtbringenden Land, so setzten sie sich jetzt auf dem von Stalin zugewiesenen kargen Boden fest, widmeten sich ihm, als wär' s nunmehr für alle Zeit ihr eigen. Nicht bis zur ersten Amnestie richteten sie sich darauf ein, nicht bis zur ersten Zarennade, sondern - für immer. 1941 blank und nackend ausgesiedelt, jedoch umsichtig und unermüdlich, ließen die Deutschen den Mut nicht sinken und schickten sich an, ebenso ordentlich und vernünftig zu werken. Wo liegt auf Erden jene Wüste, die die

Mit ihrem Fleiß und Geschäftssinn konnten sich die deportierten Deutschen auch in ihren Verbannungsorten Sibirien, Kasachstan oder Mittelasien, weit weg von ihrer ursprünglichen Heimat, verwurzeln und heimisch werden. Im Laufe von Jahren fand ihr Leben langsam zu einer gewissen „Normalität“, sie gründeten Familien, bauten Eigenheime, zogen Kinder auf und waren in ihren Berufen (viele konnten studieren und Akademikerberufe erwerben) oft die besten. Aber auch ihre alte Heimat blieb im Laufe von Generationen unvergessen und schlug sich in der Mundart, in der Lebensart und im deutschen Brauchtum, das trotz allem - mitunter

der 2. Klasse an (auf Wunsch der Eltern) sollte dem Sprachverlust entgegenwirken. Allerdings fehlten für die Einführung des muttersprachlichen Deutschunterrichts, auch noch Jahre später, weitgehend Lehrer, Lehrbücher, Lehrpläne, Willensäußerungen der Eltern und positiv motivierende Aufklärungsarbeit.

Zur gleichen Zeit wurden an den Pädagogischen Hochschulen in Nowosibirsk, Barnaul und Omsk (Russland), Koktschetaw/Kasachstan, sowie an den Pädagogischen Fachschulen Slawgorod/Russland sowie Issil-Kul und Saran (Kasachstan) deutsche Abteilungen eingerichtet, die Lehrer für den muttersprachlichen

Konstantinowka: Folkloreensemble „Ähregold“, 1947 ins Leben gerufen. Es war die erste deutsche Gruppe für Gesang und Tanz nach dem zweiten Weltkrieg in der Sowjetunion.

Deutschen nicht in blühendes Land zu verwandeln verstünden? Nicht umsonst hieß es im früheren Russland: Der Deutsche ist wie ein Weidenbaum. Wo du ihn hinstreckst, schlägt er Wurzeln. Ob im Schacht, auf der Traktorenstation oder auf dem Staatsgut, die Natschalniks waren des Lobes voll über die Deutschen, bessere Arbeiter fanden sie nicht. Schon zu Beginn der fünfziger Jahre hatten die Deutschen - unter den übrigen Verbannten, ja, oft auch unter den Einheimischen - die besten, geräumigsten und saubersten Häuser, die größten Schweine, die milchreichsten Kühe. Ein deutsches Mädchen war eine begehrte Braut, nicht allein der Wohlhabenheit ihrer Eltern wegen, sondern weil sauber und anständig inmitten der durch und durch verlotterten Lagerumwelt.“

In Kasachstan erreichte die Konzentration der deutschen Bevölkerung einen besonders hohen Stand. Die Neulanderschließung 1954-1960 und die Migration der Deutschen nach den Regierungserlassen 1955, 1964 und 1972 brachten Deutsche aus verschiedenen Verbannungsgebieten unter anderem nach Kasachstan. Bis zu Beginn der 1970er Jahre gab es hier etwa 700 Siedlungen mit überwiegend deutscher Bevölkerung. Mehrere deutsche Landwirtschaftsbetriebe waren ausgesprochene Vorzeige- und Musterwirtschaften. 1979 scheiterte der Versuch, ein autonomes deutsches Gebiet in Kasachstan in der Gegend von Zelinograd (heute Astana) zu gründen am Widerstand der russischen und kasachischen Bevölkerung. Vor dem Zerfall der Sowjetunion (Volkszählung 1989) lebten hier insgesamt 2.038.341 Millionen Deutsche - allein in Kasachstan waren es 959.000 Deutsche (damals 6,3 Prozent der Bevölkerung).

auch heimlich - in vielen Familien gepflegt wurde.

Bemühungen um die Erhaltung der deutschen Muttersprache

Die Deportation löste die wichtigste Existenzgrundlage der deutschen Sprache in der Sowjetunion auf - die geschlossene deutsche Siedlung - und leitete den Beginn eines unaufhaltsamen Sprachverlustes ein. Zwar deklarierte die sowjetische Verfassung jeder Volksgruppe das Recht auf Bildung in der eigenen Muttersprache, aber gerade für die Deutschen waren die Voraussetzungen dafür durch die historischen und politischen Entwicklungen äußerst ungünstig.

Durch die Zerstreung kam es vielerorts nicht nur zur Mischung von Trägern verschiedener Sprachen, sondern auch verschiedener deutscher Dialekte. Damit war auch im Dorf die Notwendigkeit der Verwendung der russischen Sprache entstanden. Mit der Zeit, und vor allem als Folge der wachsenden Zahl von Mischehen, ging der Gebrauch der deutschen Sprache immer weiter zurück. Wenn sich 1926 ca. 95 Prozent der Russlanddeutschen zu Deutsch als Muttersprache bekannten, 1939 waren es immer noch 88 Prozent, 1959 verringerte sich Zahl bis auf 75 Prozent, 1970 waren es noch 66,8 Prozent, 1979 mit 57,7 Prozent knapp über die Hälfte, und 1989 nur noch 48,7 Prozent mit immer rascher werdender Abnahmetendenz.

Bei diesem zunehmenden Rückgang der Träger der deutschen Sprache waren viele Deutschlehrer berufen, alles zu tun, damit die Muttersprache am Leben bleibt. Die Einführung des Unterrichts in der deutschen Muttersprache im Schuljahr 1957-1958 von

Deutschunterricht heranbildeten. Zu den bewährten Hochschullehrern, die sich mit aller Kraft für die Wiedergeburt und Pflege der deutschen Muttersprache einsetzten, gehörten unter anderen Victor Klein (1909-1975) in Nowosibirsk, Johann Warkentin (1920-2012) in Alma-Ata/Moskau, Hugo Jedig (1920-1991) in Tomsk, Reinhold Schlotthauer (1901-1993) und Ewald Katzenstein (1918-1992) in Barnaul. Die Hochschullehrer waren es auch, die Forschungen der deutschen Dialekte und des Liedguts vorantrieben.

Seit Ende der 1950er Jahre bildeten sich die ersten Standorte einer bescheidenen deutschen Literaturbewegung. In der Region Krasnojarsk, wo mehrere wolgadeutsche Autoren in der Verbannung waren, fanden 1958, 1959 und 1962 Autorenzusammenkünfte unter der Leitung von Dominik Hollmann (1899-1990) statt. Sie gingen den zukünftigen Dichterlesungen in der Altairegion, wo es seit Anfang des 20. Jahrhunderts deutsche Dörfer gab, und den Moskauer Schriftstellerseminaren der 1970er und 1980er Jahre voraus.

Die drei deutschsprachigen Zeitungen („Rote Fahne“ in Slawgorod, „Neues Leben“ in Moskau und „Freundschaft“ in Zelinograd) waren für die deutschen Autoren zunächst die einzige Möglichkeit, ihre Gedichte und Geschichten an den Leser zu bringen, zumal in den Verlagen deutsche Bücher (wenn überhaupt!) in sehr geringen Auflagen gedruckt wurden. Seit den 1960er Jahren erschienen zahlreiche Sammelbände, Anthologien und Einzelbände in den Moskauer Verlagen Progress und Raduga, im deutschen Verlag Kasachstan (Alma-Ata) und im Altaier Verlag (Barnaul). ■

>> Lesen Sie in der nächsten Ausgabe weiter

Она родилась в Поволжье

Фриду Яковлевну Шнайдер в Новорыбинке знают все: во-первых, она одна из старейших жительниц села (на днях будет праздновать во семьдесят третий день рождения), во-вторых, очень общительный человек. Всегда в хорошем настроении, на месте не сидит, содержит в порядке не только свой домик и двор, но ещё и помогает знакомым и родственникам, участвует в общественной жизни села.

Татьяна Полникова

■ Оптимизм и жизнелюбие отличают её от многих из нас. А ведь жизненный путь этой женщины лёгким никак не назовёшь.

Родилась Фрида Яковлевна 21 июля 1938 года в селе Ное Лауб в Поволжье, была третьим ребёнком в семье сапожника Якоба Георговича и работницы полей Софии Петровны (в девичестве Люфт). Мирный быт этих людей, как и миллионов других в Советском Союзе, сломала война. Два старших брата, бабушка по маме, родители и трёхлетняя Фрида поздней осенью 1941 года были депортированы в Северный Казахстан, в село Казанка. Самое раннее воспоминание о детстве – маленькое помещение с земляным полом, русская печка с плитой, кровать из досок, соломенный матрас. Домна Дурнева, к которой попали переселенцы, раньше использовала это помещение для содержания телят. Тут и прожила семья Кооль не один год.

Родители сразу стали работать в колхозе. Прибыли в ноябре 1941 года, а в мае 1942 года родился ещё один сын. Главу семьи вскоре забрали в трудовую. Голод, холод. Ели мёрзлую картошку, лебеду. На восклицание внучек «Как же ты, бабуля, ела это?» Фрида Яковлевна с присущей ей улыбкой отвечает: «Ела с аппетитом, как и все тогда». Помнится ей, как помогала бабушке и маме собирать с земли остатки после просеивания зерноотходов. Женщины добавляли туда картошку и выпекали хлеб – просянку. Много лет прошло с той поры, а благодарная память хранит вкус сухарей, которыми угощала её хозяйка, тётя Домна.

Местные жители к поволжцам относились по-разному. Война сыграла свою роковую роль. Многие семьи получали похороны с фронта. Кругом сиротство, тяжёлый труд, голод. Переживать нега-

Фото предоставлено автором

тивное отношение со стороны родственников погибших было особенно трудно. Но горе сплавляло людей. Фрида Яковлевна говорит, что хороших людей всегда больше. Поэтому и выжили, и выстояли несмотря ни на что. Из трудовой отец вернулся калекой на костылях. Стал работать по старой памяти – обувка людям нужна всегда. Помнит Фрида и свои первые тапочки, которые сшил отец ей из брезента. Уже девушка, она боялась их лишней раз надеть. В клуб шла босиком, тапочки несла в руках, обувалась перед входом, домой опять босиком.

Со временем дали семье другое жильё. Появился на свет ещё один сын. Мать трудилась сакманщицей. В 49 лет отец умер от туберкулёза. Все дети познали ранний труд. Не стала исключением и Фрида. Совсем юной девочкой пошла работать дояркой на ферму. С личной жизнью с молодости не повезло: в 32 года осталась вдовой с двумя малолетними дочками на руках – Ириной и Татьяной. Вместе с ней на ферме работал скотником Андрей Рихардович Шнайдер, вдовец с тремя малолетними

детьми. Думая прежде всего о детях, объединили эти умудрённые жизнью люди свои судьбы и создали совместную семью. Так у Фриды Яковлевны появились ещё дети: сыновья Виктор и Анатолий и дочь Валентина.

В 1973 году семья переехала в Новорыбинку, где жили родственники мужа. Здесь у них родился сын Валерий. Фрида Яковлевна, как и её муж, продолжала трудиться в колхозе. Девятнадцать лет проработав в Казанке дояркой, в Новорыбинке пошла на свиноводческую ферму, откуда через двадцать два года ушла на пенсию. Жизнь шла своим чередом.

После восемнадцати лет совместной жизни похоронила мужа, позднее на её руках в возрасте ста лет умерла мать, София Петровна. Создали свои семьи дети, разлетелись из родительского гнезда. Сегодня у Фриды Яковлевны семнадцать внуков и четырнадцать правнуков. И дети, и внуки с огромной любовью и уважением относятся к своей маме и бабушке. А она признаётся, что все дети для неё всегда были родными. Не имея особого достатка, всё делила

поровну. Старалась изо всех сил сохранить семейные обычаи и традиции своих родителей.

Немецкий язык она понимает, а вот говорит уже с трудом. Но знает много народных песен и праздничных стихотворений, ведь её отец хорошо играл на гармошке, а мама пела.

«В семье моих родителей отмечались три главных праздника – Рождество, Пасха и Троица. Я и сегодня стараюсь перед этими праздниками навести порядок в доме. Как и мои родители когда-то, накрываю стол для родных и близких, каждому обязательно готовлю пусть и скромный, но подарок. Часто готовлю немецкие блюда: различные галушки, штрудель, кребли, кухен. А недавно на свадьбе внучки, когда по обычаю снимали с неё фату, я спела песню «Schön ist die Jugend». Когда-то её пели нашим родителям на свадьбе, они пели её нам, а мы – своим детям. Пусть она звучит и для наших внуков и правнуков».

В канун дня рождения пришли в гости к Фриде Яковлевне учащиеся Новорыбинской школы. Встреча получилась очень тёплой, а беседа содержательной. Много интересного узнали ребята, рассматривали семейные фотографии и документы, многочисленные грамоты за труд. На вопрос о том, хотела бы она поехать в Германию, Фрида Яковлевна не задумываясь ответила: «Нет. Зачем? Ведь здесь живут мои дети».

«Прекрасна юность – веселья время, Прекрасна юность, пройдет она: Нести устанешь ты жизни бремя, Иссохнет сердце твое до дна. Так вспоминай всегда Ты юности года: Прекрасна юность, пройдет она...»

Эту чудесную песню помнит и поёт героиня моего повествования. За плечами большая непростая жизнь, бремя которой она, усталая, продолжает нести. А вот сердце её не иссохло: оно продолжает любить, любить детей и внуков, земляков, родной край. ■

За болью – боль...

Стр. 6. >> Отделили уголок, построили печь. Спасибо казахам, их равнодушию, что давало несчастным переселенцам надежду. И ещё – трудолюбие помогало выжить в этих страшных условиях. Хотя потери немецкого народа от этой бесчеловечной акции были огромны.

Не успели люди хоть как-то обустроиться, акклиматизироваться на казахстанской земле, как всё трудоспособное население было мобилизовано в трудовую армию. Одного за другим отправили туда почти всю семью, а Ивана Фёдоровича направили в Челябинск на реорганизацию тракторного завода в танковый.

Трудовые лагеря входили в систему ГУЛАГа. Территория была окружена колючей проволокой, по углам стояли вышки с часовыми, внизу – охрана с собаками. Был введён строгий воинский порядок с выводом людей на работу и возвращением строем. Лишь в 1947-1948 гг. единицы выживших вернулись из трудовой армии. Но тут вышел новый Указ: «В целях укрепления режима поселения для выселенных в период ВОВ немцев

установить, что переселение в отдельные районы Советского Союза проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. Самовольный выезд из мест поселения карается 20-ю годами каторжных работ».

В декабре 1955 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР были сняты ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Но права возвращения на места, откуда они были выселены, немцы по-прежнему были лишены. И лишь в 1964 году Указом Президиума Верховного Совета СССР с советских немцев были сняты все обвинения. Вот что в нём говорилось: «В Указе от 28 августа 1941 года в отношении больших групп немцев были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были необоснованными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам

Министров республик оказывать помощь и содействие немецкому населению с учётом его национальных особенностей и интересов».

Переселенцы освобождались из-под административного надзора. А в 1972 году было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в места их довоенного проживания.

В своих воспоминаниях Екатерина Ивановна Симон пишет: «Обидно только, что наши родители были бесправными. Папа всегда с радостью и болью встречал День Победы. С радостью, что долгожданная Победа освободила людей от ужасов войны. С болью, что всех участников встречают с почестями, а он вынужден тихо отсиживаться в такой знаменательный для всех советских людей день. Я рискнула написать письмо в Министерство Обороны товарищу Язову. (Иртышский военкомат отказал мне в просьбе). И о, боги! Справедливость восторжествовала! Папе торжественно вручили документ участника Великой Отечественной войны. Горжусь тем, что

первая в посёлке была отправлена во всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Сколько восторга, радости: кукурузник на котором меня доставили в Павлодар; Чёрное море, встреча нашего отряда с Никитой Сергеевичем Хрущёвым! Эти детские воспоминания до сих пор бередят душу. Думаю, в те годы я единственная из немецкой части населения была удостоена такой награды... Довелось мне и побывать в бывшем Беловодске, ныне Исы Байзакова, пройти по разрушенному посёлку. Как тяжело было смотреть на полностью погибшее хозяйство, на бесконечные руины. Правда, моя боль несколько смягчилась, когда подошла к аллее Славы, где среди списка участников войны нашла фамилию Ивана Фёдоровича Симона. Я и моя семья благодарим активистов и неравнодушных людей посёлка Исы Байзакова. Несмотря на то что трудно стало до него добираться – препятствуют границы, далёкие расстояния – стёжки-дорожки ведут нас на нашу малую родину, где осталась частица нашего Я». ■

Die Geschichte von Mathilde

Im vierten Teil der Erzählung über die deutschen Frauen in der Trudarmee beschrieb **Valentine Bolz**, wie willkürlich und gnadenlos ihre Tante für ein vermeintliches Vergehen bestraft wurde. Nun erfahren wir, was der Einrichter der Werkbänke Hanulin für sie erreichen konnte. Fortsetzung aus der vorherigen Ausgabe.

■ Als er zurückkam, sagte er zu Mathilde: „Weine nicht, Fischer, du musst nicht mehr in den Karzer.“ So war es auch. Dora erzählte am Abend Mathilde, dass Hanulin sich die Ruf zur Seite genommen hatte: „Er muss ihr tüchtig die Leviten gelesen haben! Ich konnte zwar nicht hören, was er sagte, aber die Ruf war rot wie ein Krebs.“ Dora lachte triumphierend. Mathilde wurde es warm ums Herz – ein wildfremder Mensch hatte sich für sie eingesetzt. Einfach so! Weil er es nicht für richtig hielt. Mathilde verspürte große Dankbarkeit. Sie hatten schon alle den Glauben daran verloren, dass ihnen gegenüber jemand noch so menschlich handeln konnte. Keine von den Frauen konnte die Ruf leiden. Die Barackenältesten waren die Einzigen, die man aus ihren Reihen wählte. In ihrer Baracke war es Marie Ruf. Um vor den „Natschalniki“ zu liebenedern, demütigte sie die Frauen, schrie sie an, bestrafte sie ohne jeden Grund. Nach diesem Vorfall hat sie sich jedoch zusammengerissen und Freundlichkeit und Verständnis vorgespielt.

Das furchtbare Geschehen an jenem trüben Morgen stand Mathilde ihr ganzes Leben lang vor den Augen. Sie hatten Tagsschicht. Dora und sie hatten gute Laune, denn ein Tag davor kam die Post – Mathilde hat einen Brief von zu Hause erhalten und Dora sogar ein Paket. In dem Paket war auch ein geblühtes Kattuntuch drin, das Dora sogleich umband. Sie bewunderte immer Mathildes lange, dicke Zöpfe, die sie wie einen Kranz um den Kopf legte. Dora machte es ihr nach. „Ich dreh aus meinen Schwänzchen auch ein Kränzchen“, lachte sie. Gut gelaunt fingen sie die Arbeit an. Dora arbeitete ein paar Maschinen weiter.

Ein einschneidendes Erlebnis für alle Frauen

Es ging schon auf Mittag zu, als ein entsetzlicher Schrei sogar den Lärm der Maschinen übertönte. Mathilde schaute von ihrer Arbeit hoch, sah den Einrichter Hanulin zum Schalter rennen – die Maschinen verstummten. Um Doras Werkbank versammelten sich nun die Frauen, auch Mathilde eilte hin. Alles war voll Blut, Dora lag blutüberströmt auf dem Boden. Mathilde wurde es schwarz vor den Augen. Zwei Frauen bewahrten sie vor dem Fall, setzten sie auf den Fuß einer Werkbank, wedelten ihr Luft zu. Bald kam ein Arzt mit zwei Sanitätern. Dora wurde auf eine Bahre gelegt und weggebracht. Es herrschte eine große Aufregung – Aufseher und Vorarbeiter rannten hin und her. Lisa, die neben Dora arbeitete, erzählte, am ganzen Körper zitternd, dass Doras Zöpfe unterm Tuch rausrutschten und von der Drehbank erfasst wurden und ihr ganzes Haar wurde samt Haut vom Kopf gerissen. „Das Blut spritzte bis zu mir rüber“, erzählte sie weinend.

Endlich ließ man die Frauen antreten, der Werkleiter hielt eine kurze Rede – es tue ihm leid, was passiert sei. Aber die Frauen würden selbst sehen, wozu es kommen könne. Deswegen befahle er, die Zöpfe abzuschneiden, das kurze Haar fest mit einem Tuch abzubinden. Der Unfall hätte die Produktion, die so wichtig für die Front sei, für mehrere Stunden gestoppt, und das sei unzulässig. Mathilde hat diese Schicht

Mathilde mit Eva Hubert schon nach dem Arbeitslager, ca. 1948

nur mit Mühe überstanden. Den anderen ging es auch nicht anders.

Hoffnung auf das Überleben der Leidensgefährtin

In der Baracke wartete schon die Ruf mit Scheren. Die Frauen schnitten einander die Zöpfe ab. Die meisten warfen das Haar gleich in den brennenden Ofen. Mathilde kämmte ihr Haar erst noch einmal gründlich, flocht es dann zu zwei festen Zöpfen. Die Zöpfe wollte sie dann später nach Hause schicken. Als Emily die Schere ansetzte, zog sich ihr Herz zusammen – als 15-16-jährige wollte sie sich so gern einen Pony schneiden, aber die Mutter erlaubte es ihr nicht. Und jetzt... Erst schien es, als ob die Schere gegen ihr dickes Haar machtlos sei. Emily musste sich tüchtig ins Zeug legen, bis sie Mathildes Zöpfe abgeschnitten hatte. Das kurze Haar fiel ihr ins Gesicht. Die Frauen drängelten sich um Charlottes Pritsche – sie hatte einen kleinen Handspiegel. Man hörte überraschte oder enttäuschte Ausrufe. Wenn nicht der heutige schlimme Unfall mit Dora gewesen wäre, hätte das Haarschneiden bestimmt zu einer ausgelassenen Heiterkeit geführt.

Als Mathilde dran war, schaute ihr ein blasses schmales Gesicht in einer Haarmähne entgegen. Sie hatte tüchtig abgenommen, das merkte sie auch an ihrem Rock. Das kurze Haar zu bändigen, war keine leichte Aufgabe, es wollte einfach

nicht unter dem Tuch bleiben. Auf der Arbeit kam Hanulin zweimal kopfschüttelnd an Mathildes Maschine, schob sie zur Seite, auf ihr Tuch nickend, und machte für sie die Arbeit, bis sie das Haar unter das Tuch gestopft und dieses wieder fester um den Kopf gebunden hatte.

Am Ende der Schicht sagte er ihr: „Сходи в парикмахерскую. А то тебя, не дай бог, не только оскальпирует, а сразу голову оторвёт. (Geh zum Frisör. Sonst werdest du, bewahre Gott, nicht nur skalpiert, dir reißt es gleich den Kopf ab.“ Mathilde verstand nur „Парикмахерская“ und wusste, was er meint. Sie nickte. Dann traute sie sich und fragte: „Dora?“ Hanulin zuckte mit den Schultern: „В больнице (Im Krankenhaus).“ In der Baracke erzählte Mathilde aufgeregt den Mädels: „Ich glaube, Dora lebt. Hanulin sagte, sie wäre im Krankenhaus.“ Lisa schüttelte zweifelnd den Kopf: „Das glaube ich nicht. Bei so viel Blut. Man sah ja nicht mal ihr Gesicht vor lauter Blut. Und um ihre Maschine war auch heute noch das ganze Öl rot.“

Eine weitere Demütigung

Mathilde holte aus ihrem Mantelsaum den letzten Schein. Sie musste wirklich was mit ihrem Haar machen. Ihr schlossen sich Alvine und Magdalena an, die auch so dickes Haar hatten. Sie meldeten sich für zwei Stunden an der Wache ab, um zum Frisör zu gehen. Unterwegs überlegten die

Frauen, wie sie erklären sollten, welchen Haarschnitt sie möchten. Alvine meinte: „Ich sage einfach, wie bei Lubow Orlowa. Ich denke, es wird mir stehen. Ich habe ja auch lockiges Haar.“ Mathilde stellte sich eine Frisur vor, die sie auf einem Plakat am Frisiersalon gesehen hatte – kurz, aber trotzdem schick. Magdalena fragte: „Wie heißt russisch „kurz“?“ „Ich glaube malenki“, meinte Mathilde unsicher. „Nein, das ist klein. Kurz heißt „krotki“, wusste es Alvine besser.

Die Friseure, zwei ältere Männer, amüsierten sich köstlich über die kaum russisch sprechenden Frauen. „Ну эти две хоть маленки и кротки хотят. А эта аж на Любовь Орлову замахнулась. А денег-то хватит? (Na die zwei wollen wenigstens klein und kurz. Aber dieser gib Lubow Orlowa her! Und Geld hast du dafür?)“ Alvine streckte ihre Hand mit dem Geld vor. Magdalena und Mathilde zeigten auch ihr Geld. Der Alte schüttelte den Kopf und meinte, es reiche nur für „malenki-krotki“. Und sie verpassten den Frauen anstatt eines modischen Frauenschnitts einen Männerschnitt (полубокс). Es war noch eine Erniedrigung und Kränkung.

Schweigend, sich die Tränen verkneifend, kehrten sie in die Baracke zurück. Aber Probleme mit dem Haar gab es vorerst keine mehr – es ließ sich gut unter den Tüchern verstecken. Und bald war es den Frauen auch egal, wie sie aussehen. Sie wurden immer schwächer, fühlten sich ausgebrannt, hatten keine Energie mehr fürs Leben. Immer mehr starben. An der Waschanlage arbeiteten zwei russische Frauen – тётя Marusja und тётя Pascha. Sie mussten auch sehr hart arbeiten, aber sie waren nicht hinter Stacheldraht. Sie bemitleideten die deutschen Frauen, denn diese wurden noch erniedrigt, als Feinde dargestellt, der Freiheit beraubt.

Im letzten Teil der Erzählung erfahren wir vom Hungerleid, dem die Frauen in der Trudarmee ausgesetzt waren, und wie sie das Kriegsende in der Gefangenschaft erlebten. ■

■ *willkürlich* – произвольно

■ *demütigen* – унижать; причинять боль

■ *Vorfall, der* – случай; инцидент

■ *Kattuntuch, das* – хлопковый платок

■ *Aufregung, die* – переполох; паника

■ *überraschen* – поражать; удивлять

■ *Heiterkeit, die* – веселье

■ *Erniedrigung, die* – унижение;

депрессия

■ *Stacheldraht, der* – колючая проволока

■ *Hunger leiden* – голодать;

чувствовать голод

Рождённый в концлагере

Эту удивительную историю нам рассказали в Бородулихинском районе Восточно-Казахстанской области...

Елена Пашке

■ Началась она в 1942-м году в концлагере в Германии. Попав в плен после ранения, Максим Лыткин из Казахстана и угнанная из украинского села Павлина Хоменко за колючей проволокой сумели не только создать семью, но и родить в 1943 году сына Николая. Они смогли защитить своего малыша в тяжелейших условиях. Весь барак старался помочь первенцу: после родов Павлину продолжали гонять на работу, не давая никаких поблажек. Забегая вперёд скажем, что в дальнейшем в этой семье родилось семеро детей. Но обо всём по порядку...

Семейство Лыткиных в двадцатые годы прошлого века, спасаясь от голода, остановилось в приубинском селе Девятка. Места это были хлебные, рыбные, рядом Уба, Иртыш. Знал ли Максим, что эти голодные времена помогут выжить ему и его ребёнку в концлагере?

В феврале 1940-го года он был призван в Красную армию. Когда началась война, его направили в Архангельское военное инженерное училище на ускоренные курсы. В октябре 41-го лейтенант Лыткин был уже на фронте в качестве командира сапёрного взвода. В мае 42-го войска попали в памятное окружение под Харьковом, и в отчаянной атаке рядом со станцией Лозовой, как свидетельствует запись в военном билете, Максим был ранен и попал в плен. Неудачный побег забросил его в город Гельзенкирхен на западе Германии. Во времена Третьего рейха здесь находился вспомогательный лагерь Бухенвальда и так называемый штатлаг 326, через который прошло 80 тысяч военнопленных.

Павлину угнали на принудительные работы в нацистскую Германию в апреле 42-го. В лагере военнопленных и оstarбайтер разделяла лишь колючая проволока и перегородка, чтобы не виделись и не общались. И всё же Павлина решилась написать записку: «Не встречал ли кто Хоменко Ивана с Украины. Жду ответа». Через несколько дней пришёл ответ, что его не нашли, но связь была налажена.

Поясним: рабочие СССР назывались оstarбайтер от слова ост, а из стран Европы – цивильарбайтер. Они были статусом выше. Павлина также просила передать родителям, что она жива, и если у Максима получится оказаться на

Foto: warspot.ru

воле, сообщить об этом. Она попросилась в наряд на кухню. Когда началась очередная бомбёжка, девушка побежала не в бомбоубежище, а по продуманному маршруту в лес. Даже в 42-м году Германия подвергалась серьёзным бомбёжкам со стороны союзников, и городок Гельзенкирхен, где производили кокс, был одним из самых разрушенных. В лесу Павлина уснула от усталости, и здесь её обнаружила немка с ребёнком на руках, которая шла на воскресную службу в церковь. Немка поняла, что девушка беглая, и смогла объяснить, что в Фельберге, на фабрике Густавгамель, принимают таких, как она. В бесплатной рабочей силе были заинтересованы. Фрау повязала ей платок, как положено прислуге, и представляла её своей нянькой. Павлина на фабрике назвалась выдуманной

фамилией Панасенко и смогла отправить открытку родителям, которые очень обрадовались, узнав родной почерк, и написали ей ответ. А в лагере всё началось сначала – подъём, работа, утром кормовой кофе для телят, в обед баланда, вечером картофеля. В воскресенье был отдых, но еды не полагалось.

В свою очередь Максим Лыткин бежал из лагеря Гельзенкирхен. Документы цивильарбайтер помогли ему найти пристанище и работу у фермера. О просьбе Павлины помнил, написал её родителям, что она жива. И каково было его удивление, когда те написали в ответ, что дочь сама дала о себе знать и что она работает на фабрике Густавгамель в Фельберге. Максим обо всём догадался и 5 декабря 1943 года прибыл в тот лагерь, попросив воссоединения с

якобы женой. Так началась их семейная жизнь. 17 ноября 1944-го года у них родился сын Николай. Если мать работала поблизости, ей удавалось прибежать покормить ребёнка.

В нескольких километрах от лагеря проходили американские войска. Приказа покинуть пост не было, но часовые в любую минуту могли начать расстрел заключённых, и тогда они пошли на решительный штурм – несколько человек пробилась к американцам и попросили о помощи. Лагерь достался союзникам, и толпа немедля растерзала своих палачей. Американцы сказали, что продовольственные вещевые склады в распоряжении заключённых, остальное – потом. И здесь Максиму пригодились уроки голода из детства – всю пищу он делил на маленькие порции и не позволял никому сразу съесть её. Но кто-то не мог удержаться, и от переедания умерла примерно пятая часть заключённых. Союзники предлагали молодой семье переехать в Канаду, Францию, Америку, но Лыткины вернулись на Родину. В 1946-м у них родился второй сын Иван, а дальше началась жизнь в селе Девятка, где родились Галина, Нина, Людмила, Павлина и Максим. ■

- первенец – *Erstgeborene, der*
- поблажка – *Nachsicht, die; Vergünstigung, die*
- неудачный побег – *erfolglos Ausbruch*
- военнопленный – *Kriegsgefangene, der*
- принудительные работы – *Zwangsarbeit, die*
- колючая проволока – *Stacheldraht, der*
- усталость – *Abgespanntheit, die*
- бомбоубежище – *Luftschutzbunker, der*
- прислуга – *Bedienung, die; Dienerin, die*
- удивление – *Überraschung, die*

PDF (abo@daz.asia)

daz.asia

daz.asia

daz.asia

dazasia

IMPRESSUM

ABO-NUMMER: 65414

Собственник: ТОО „Deutsche Allgemeine Zeitung - Asia“

Учредитель: Общественный фонд „Казахстанское объединение немцев „Возрождение“

Директор: Роберт Герлиц
 Главный редактор: Олеся Клименко
 ifa-редактор: Кристоф Штраух
 Технический редактор: Вероника Лихобабина
 Social Media редактор: Екатерина Лойченко
 Корректоры: Евгений Гильдебранд,
 Светлана Дингес

Адрес редакции: 050051, Алматы,
 Самал-3, 9, Немецкий Дом
 Тел./факс: +7 (727) 263-58-06/08
 E-mail: info@daz.asia

Газета поставлена на учет в Министерстве информации и коммуникаций РК. Свидетельство о постановке на учет № 17035-Г от 12.04.2018 г.
 Тираж 1 000 экз. Заказ № 4262.
 26 августа 2021 г. № 34 (9087).
 Периодичность – 1 раз в неделю.

Отпечатано в типографии ТОО РПИК «Дәуір» г. Алматы, ул. Калдаякова, 17, т. 273-12-04
 Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право редактирования и публикации присланных материалов.

Inhaber: GmbH „Deutsche Allgemeine Zeitung - Asia“

Gründer: Gesellschaftliche Stiftung „Vereinigung der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“

Direktor: Robert Gerlitz
 Chefredakteurin: Olesja Klimenko
 ifa-Redakteur: Christoph Strauch
 Technische Redakteurin: Veronika Likhobabina
 Social Media Redakteurin: Yekaterina Loichenko
 Korrektoren: Eugen Hildebrand,
 Svetlana Dinges

Adresse: Samal-3, 9, Deutsches Haus,
 050051, Алматы
 Tel.: +7 (727) 263-58-06/08
 E-Mail: info@daz.asia

Registrierung: Ministerium für Information und Kommunikation der Republik Kasachstan. Registrierungs-Nr. 17035-G vom 12.04.2018. Auflage: 1.000. Auftrags-Nr. 4262. 26. August 2021. Nr. 34/9087. Druckerei: ТОО РПИК „Дәуір“, Алматы, Калдаяков-Страße 17, 273-12-04

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein. Für den Inhalt von Anzeigen übernimmt die Redaktion keine Haftung. Unter Verwendung in- und ausländischer Agenturen.

WWW.DAZ.ASIA

WWW.WIEDERGEURT.KZ